

А.А. Новикова-Строганова
ДОБРАЯ СЛАВА:
Н.С. ЛЕСКОВ И И.С. ТУРГЕНЕВ

Аннотация. В статье выявляются тургеневские мотивы и образы и их идейно-эстетические функции в художественном мире Лескова. Устанавливается общность христианских оснований творчества двух выдающихся писателей-орловцев.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; Н.С. Лесков; христианские идеалы; литературная и общественная позиция; творческое взаимодействие; защита литературного наследия; авторское право.

Novikova-Stroganova A.A. Kind glory: N.S. Leskov and I.S. Turgenyev

Summary. The article deals with Turgenyev's motifs and images, their ideological and aesthetic functions in the artistic world of Leskov. The commonality of the Christian foundations of creativity of two outstanding writers from Orel city is established.

Keywords: I.S. Turgenyev; N.S. Leskov; Christian ideals; literary and social position; creative interation; protection of literary heritage; literary property.

Тургеневское творчество и само имя Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) были чрезвычайно дороги Николаю Семёновичу Лескову (1831–1895). Он отдавал дань глубокого уважения «сильному и свежему» таланту своего старшего литературного собрата и знаменитого земляка – писателя-орловца. На протяжении всего своего писательского пути и даже на закате дней Лесков продолжал отстаивать тургеневское литературное наследие.

Показательно, что в лесковской «Автобиографической заметке» (1882–1885?) первым и главным из писательских имен было названо имя Тургенева. Его «Записки охотника» (1847–1852) Лесков, знавший народ «в самую глубь», как «самую свою жизнь»¹ (XI, 12), признал своего рода «учебником» жизни и литературного мастерства. Об этом «учительном» значении, а также о глубочайшем эмоционально-нравственном воздействии тургеневского цикла свидетельствует следующее лесковское признание: «Когда мне привелось впервые прочесть “Записки охотника” И.С. Тургенева, я весь задрожал от правды представлений и сразу понял, что называется искусством. Всё же прочее <...> мне казалось деланным и неверным» (XI, 12).

Тургеневское творчество – глубоко правдивое, не имеющее фальшивых нот, – было своего рода камертоном для Лескова. Более того – по словам сына писателя, Тургенев был для Лескова «литературным богом». Андрей Николаевич Лесков свидетельствовал: «Первая книга после Библии, которую дал мне отец читать, была “Записки охотника”. <...> Тургенева отец считал выше Гончарова как поэта. Каждое новое произведение Ивана Сергеевича было событием в жизни нашего дома»².

Таким образом, Тургенев и его художественный мир постоянно занимали писательское сознание Лескова, были у него и на слуху, и на устах. Неудивительно, что эту «привязанность» он перенес на страницы своих книг.

Имя Тургенева не сходит со страниц беллетристики и публицистики, эпистолярного наследия и воспоминаний Лескова на протяжении всего его творческого пути – от начала до того периода, который сын писателя Андрей Николаевич Лесков назвал «путем к маститости», «в зените чтимости и на закате дней»³. Нередко в художественную ткань лесковского текста органично вплетаются тургеневские цитаты, созвучные настроению «позднего» Лескова и идейно-художественному пафосу его произведений: например, лирическая медитация эпилога романа Тургенева «Дворянское гнездо» (1858): «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!» (XI, 421) («Колыванский муж» (1888); письма).

В журнале «Церковно-общественный вестник» Лесков опубликовал цикл статей «Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки» (1878)⁴. Характеристику событий, описанных в Деяниях, –

«чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу»; «много чудес и знамений совершилось через Апостолов»; «Ты простираешь руку Твою на исцеление и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса» (Деяния. 2: 19, 43; 4: 30) – писатель наполнил актуальным смыслом, аналитически выявляя «болевые точки» современной России.

Одну из статей данного публицистического цикла Лесков посвятил Тургеневу – именно в тот переломный период, когда автор «Отцов и детей» объявил о своем намерении прекратить литературную деятельность.

Вовсе не случайно для отклика на взбудоражившее общественность событие о намерении Тургенева «положить перо» Лесков избирает страницы «Церковно-общественного вестника», с которым он много и плодотворно сотрудничал в 1870–1880-е годы. Это издание привлекало писателя, горячо убежденного в том, что в Евангелии сокрыт «глубочайший смысл жизни» (XI, 233), стремлением к христианскому деланию, умением быть «беспристрастным», сохранить «в своем скромном положении всю свободу отношений к вопросам жизни нашего общества»⁵.

Редакция журнала в неподписной «Литературно-общественной заметке (По поводу прекращения литературной деятельности И.С. Тургенева)» (1878) высказывалась в защиту «ветерана нашей художественной литературы Ивана Сергеевича Тургенева»⁶ незадолго до появления статьи Лескова, который продолжил поднятую тему «об этом же высокопочтенном лице, о его положении, о его обидах и о его грустных намерениях “положить перо и более за него не братья”» (2).

С лесковской точки зрения, заявленное Тургеневым намерение столь общечеловечески значимо, что произнесенный им «обет молчания» никак «нельзя пройти молчанием» (2). Роль писателя в жизни и развитии России столь велика, что деятельность власть предержащих, сильных мира сего не идет ни в какое сравнение: «Его (Тургенева. – А. Н.-С.) решимость “положить перо” – это не то что решимость какого-нибудь министра выйти в отставку» (2).

О напускной значительности высоких чиновных персон – важных с виду, а по сути никчемных, непригодных к живому делу, к самоотверженному служению Отечеству (уместно вспомнить поэтические строки «Колыбельной песни» Н.А. Некрасова:

«Будешь ты чиновник с виду И подлец душой»), – Тургенев высказался в романе «Новь» (1877): «У нас на Руси важные штатские хрипят, важные военные гнутят в нос; и только самые высокие сановники и хрипят и гнутят в одно и то же время».

Лесков подхватил и развил эту выразительную характеристику «крупносановных» людей, по долгу службы призванных заботиться о благе страны, а на деле составляющих «несчастье России»: «...в его (Тургенева. – А. Н.-С.) последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимцы, которые, добившись генеральства на военной службе, “хрипят”, а по штатской – “гундосят”. **Это люди, с которыми никому ни до чего нельзя договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или “хрипеть”, или “гундосить”** (выделено мной. – А. Н.-С.). В этом скука и несчастье России» (3). Поистине – универсальный портрет «крапивного семени» неистребимой бюрократии. Лесков обнажает ее низменные «зоологические» черты: **«Надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать** (выделено мной. – А. Н.-С.) на два давно всем надоевшие и раздражающие тона» (3).

Писатель отводит своему старшему земляку первостепенное место не только в отечественной словесности, но и в общественной жизни России: «Иван Сергеевич – лицо слишком крупное среди всех наших величин. <...> На художественных образах Ивана Сергеевича совершался подъем нашего вкуса и чувства; он силою своего вдохновения раздул в наших сердцах божественную искру сострадания и участия к “крепостному человеку” – искру, обратившуюся в пламя» (2). «Божественная искра», зажженная Тургеневым, для Лескова-христианина – не просто словесно-поэтический образ.

В тургеневских типах, по верному лесковскому суждению, выражена квинтэссенция социально-психологического состояния современной эпохи: «О Тургеневе говорили, что, прежде чем что-либо задумать и писать, он приглядывался и прислушивался к тому, что говорят и чем сильнее занимаются в обществе. Оттого будто бы, когда появлялось его произведение, где описывался известный тип и характер, в обществе чувствовали, что это что-то знакомое, что об этом именно думали, говорили и художник в своем произ-

ведении только осветил и разъяснил то, что мелькало в умах, но представлялось смутно и неясно» (XI, 146).

Вывод Лескова о громадной роли Тургенева в духовно-нравственной жизни страны: «Он представитель и выразитель умственного и нравственного роста России», – заострен против недостойных выходов тех, кем «многократно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» (2).

Либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно» (2). Тех и других Лесков уподобляет, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватались зубами за свой собственный хвост» (2). «Осмеять можно все, – замечает автор статьи, – как все можно до известной степени опошлить. С легкой руки Цельзия было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения» (3).

Лесков горячо выступил в защиту «генерала от литературы» Тургенева – «слишком крупного среди всех наших величин» – от всякого рода «литературных (и не только литературных. – А. Н.-С.) хамов» (2). Травлю великого русского писателя устраивала не одна литературная критика. Подключились дворянство и бюрократия – в гнуснейших проявлениях чиновничьего чванства.

Лесков изложил подлинные факты непочтительного отношения к Тургеневу даже со стороны его земляков – орловского дворянства и чиновной братии. Этот невыдуманный, практически не известный широкому кругу читателей «рассказ кстати» заслуживает того, чтобы привести его почти полностью.

Лесков пишет: «И у меня есть пример, как относится к Тургеневу среда очень ему близкая, которая могла бы по преимуществу показать свое уважение к нашему писателю, – это его земляки в самом тесном смысле слова, – орловское просвещенное дворянство.

Несколько лет назад (когда уже Тургенева сильно порицали в литературе) я гостил летом у моего двоюродного брата, орловского предводителя дворянства, и в одном разговоре о Тургеневе заметил:

– Чтобы хоть вам выразить свое сочувствие Ивану Сергеевичу, которым может гордиться ваша среда: хоть бы одну стипен-

дию его имени учредили в своей гимназии да хороший портрет его повесили в читальной комнате дворянского собрания!

Брат улыбнулся и отвечал:

– К сожалению, это невозможно.

– А почему?

– А потому, что он у нас не пользуется большими симпатиями.

– За что же?

– Да так... Эти его “освободительные идеи”, и прочее... Куда тут о нем заговаривать?

Так о нем и там, на стогах града, который может гордиться честью его рождения, “неудобно заговаривать”. **Это уже совсем доля пророка, которому нет чести в отечестве своем** (выделено мной. – А. Н.-С.).

<...> и вот после одной из самых недавних побывок Тургенева, один личард особых поручений (в значении – верный слуга, лакей; раболепный чиновник. – А. Н.-С.), обращающийся при докладе у одного сановника, рассказал, как “они дали Тургеневу *аса-же*”, т.е. пустили его, по его обер-офицерскому чину (низший офицерский чин от 14-го (последнего) до 9-го класса в “Табели о рангах”. – А. Н.-С.), самым последним. И этот господин, пожалуй, не лгал: теперь это вполне статочно. По крайней мере, явные и тайные советники (тайный советник – гражданский чин 3-го класса в “Табели о рангах” – соответствовал высшим государственным должностям. – А. Н.-С.), при коих мне довелось слышать рассказ об этом крупном событии, находили, что это так и следовало. “Прежде всего-де *порядок*”.

Таким-то способом эти знаменитые люди и сподобились дать почувствовать европейски известному соотечественнику свое **департаментское величие** (выделено мной. – А. Н.-С.)! И они рады, они хвастались, что нашлись, как отомстить Тургеневу» (4–5).

Мало изменилось такое отношение к классику мировой литературы и у нынешних его чиновных и нечиновных соотечественников. По обыкновенному бюрократическому заведению канцелярское ничтожество устраивает свою гаденькую «мечь» великому писателю за его талант и свою бездарность.

«Крупному человеку у нас всякий ногу подставит и далеко не пустит, а ничтожность все будет ползти и всюду проползет»⁷, –

говорится в другой лесковской статье – «Заповедь Писемского» (1885).

Впрочем, уже весело замечает Лесков о Тургеневе, «Иван Сергеевич был отомщен каким-то отставным “корнетом Отлетаемым”, который, не любя дожидаться, назвал себя самым большим советником и вошел в рай первым» (5).

Независимый в своей христианской позиции – вне партий и так называемых «направлений» – Лесков и в данном случае также выступил против «направленской лжи» (X, 243) и «узости». Он высоко ценит Тургенева за то, что писатель, верный правде художественного факта – «едва ли не самой важной правде», – не потакал «вкусам и наклонностям того или другого направления» – **«направленской фантазмагории»** (выделено мной. – А. Н.-С.): «Изображенные им лица по преимуществу не отвечают требованиям направленной прямолинейности, которая желала бы видеть в Базарове или рыцаря без пятна и упрека, или негодяя, тогда как он только то, что есть. <...> Но художник был ни на той, ни на другой стороне. **Он был просто на стороне правды**» (курсив Лескова; выделено мной. – А. Н.-С.) (3–4).

Из-за чего же Тургенев решил «положить перо»? Лесков размышляет: «Из-за того, что с ним грубо обошлись? Это едва ли достойно его благородного характера и крупного дарования <...> у нас грубо обходятся со всеми, кроме тех, с кем не смеют так обходиться. Но что же с этим делать? Неужто сейчас и бежать, надув губу, как барышня среднего круга, которая всем обижается? Это не лучшая черта в характере общественного человека» (4).

Со всей прямоотой, свойственной его кипучей натуре, Лесков упрекает Тургенева за «едва ли зрело обдуманное и во всяком случае недостойное его решение не брать пера в руки». В то же время этот вынужденный «*почтительный укор*» высоко ценимому писателю продиктован «любовью и почтением» к нему. Однако по праву тех, «кто любят и ценят» Тургенева (Лесков, без сомнения, наделен всей полнотой этого права), он указывает на «недостаток мужества при некотором излишнем *самолюбии*, скрывающем от его (Тургенева. – А. Н.-С.) нынешней наблюдательности всегдашнюю, неизменную *любовь* к нему истинно образованных людей» (4).

С законной гордостью говорит Лесков и о своем родном городе, подарившем мировой культуре знаменитого писателя-земляка: «В Орле увидел свет Тургенев, пробуждавший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славою во всем образованном мире». В то же время с болью он признает горькую библейскую истину о судьбе пророка в своем отечестве: в России писатель с мировым именем должен разделить «долю пророка, которому нет чести в отечестве своем» (5).

Автор «Чудес и знамений» для полноты картины приводит факты о том, как готовились поляки к общенациональному празднованию юбилея их романиста Крашевского, который, по мнению Лескова, «стоит чего-нибудь только за неимением лучшего на их полнейшем литературном безлюдье» и недостоин того, «чтобы понести портфель за нашим европейски известным Тургеневым» (4). С горечью и болью это сопоставление продолжено в бесподписной статье «Успех Крашевского» (1878): «Поздравляем господ поляков с умением уважать и ценить своих писателей и не без любопытства ждем: чем они еще искусятся пристыдить нас за наше жестокое обращение со своими замечательными людьми»⁸.

Писатель считает, что из-за «подобных противных пустяков» **нельзя отворачиваться от русской жизни «лучшим людям, чтобы не предать в ней все целиком людям худшим»** (выделено мной. – А. Н.-С.) (5). Лесков убежден, что в принятии ответственных решений выдающимся писателем должны руководить не «обидчивость», не излишнее «самолюбие» и не упадок мужества в окружении стана «злосудных» врагов-злопыхателей (к слову, собственную литературную судьбу Лесков не раз обозначал поэтическими строками: *«Здесь человека берегут, Как на турецкой перестрелке»*), а только любовь – к Родине и ее людям, кому необходим честный и чистый голос великого русского художника слова.

Лесков напоминает о заветах евангельской любви и прямо Тургеневу адресует слова, выделенные в статье «Чудес и знамений» курсивом: *«любовь <...> никогда не перестает»*, – стремясь побудить писателя отказаться от решения перестать творить: «Любовь долго терпит, милосердствует, не гордится, не раздражается – все покрывает, всему верит, всего надеется, все пере-

носит и *никогда не перестает*, хотя и языки умолкнут и знание упразднится» (1 Кор. 13: 4–8)» (5).

Проводя сопоставление писательских воззрений своих крупнейших современников – Достоевского, Тургенева, Л. Толстого, – которых русская общественность одинаково нарекла «великими учителями» (XI, 155), Лесков в статье «О куфельном мужике и проч.» (1886) определил тургеневскую литературную позицию как гуманистическую: «Достоевский был православист, Тургенев – гуманист, Л. Толстой – моралист и христианин-*практик*. Которому же из этих направлений наших трех учителей мы более научаемся и которому последуем?» (XI, 156).

Собственные мировоззренческие установки и идейно-художественные искания Лескова – самобытнейшего писателя русского – в этот контекст не укладываются. Так, они не исчерпываются понятием «гуманизм», поскольку оно, по верному замечанию Д.С. Лихачёва, не передает «всей гаммы сочувствия и любви»⁹, которая свойственна творчеству Лескова. Его художественный мир одухотворяется идеей христианского подвижничества, праведничества.

Замечательные образы праведников оживали и в тургеневском творчестве (например, Лукерья – героиня рассказа «Живые мощи» из цикла «Записки охотника» (1847–1852) – напоминает сострадательно-одухотворенные женские лики русских икон).

Полузабытая лесковская статья «Пустозвон Питча о Тургеневе» (1884)¹⁰ важна тем, что была направлена на защиту Тургенева от неосновательных нападок газеты А.С. Суворина «Новое время». Писатель обратился с письмом к своему «коварному, но милому благоприятелю»¹¹ (как он называл Суворина) по поводу своей полемики с редакцией «Нового времени» о Тургеневе. Лесков указал, что не может оставлять без внимания и не замечать невежественных попыток превратного толкования дорогого для него тургеневского творчества: «Есть вопросы, мне очень дорогие и близкие. Когда о них пишут неверно, я не утерплю и замечу. <...> Тем, кого это досадует, – лучше бы не сердиться, а стараться быть сведущее»¹².

В статье «Писательская кабала» (1894) Лесков уже на закате дней с характерных для него литературно-общественных позиций продолжает отстаивать тургеневское художественное наследие.

Тема этой поздней статьи перекликается с дебютной публикацией Лескова, обозначенной постановкой духовной христианской темы. Первым печатным лесковским произведением явилась статья о распространении Евангелия на русском языке <«О продаже в Киеве Евангелия»> (1860). Вступивший на литературное поприще молодой автор, ратуя за распространение в русском обществе духа христианства, высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, тогда только появившийся на русском языке, доступен не всем. С самого начала творческого пути писатель определился в своих созидательных установках. Первая его корреспонденция явилась *«духовным компасом»*, указавшим автору магистральное направление всего его творчества: «Случайно или умышленно, — отмечал биограф П.В. Быков, — но Лесков словно наметил в ней (заметке. — А. Н.-С.) программу <...> всей будущей своей деятельности, которая была посвящена на борьбу с неправдою, с невежеством, со всеми темными сторонами жизни, на горячую проповедь добра, любви к ближнему, всего светлого, честного, прекрасного»¹³.

Поднятая в крохотной заметке проблема оказалась столь живоотрепещущей, что получила большой общественный резонанс¹⁴. Написанное «на злобу дня» пережило «сиюминутность» газетного существования. Важность той давней публикации отмечалась даже и 30 лет спустя. В 1890 г. «Новое время» указало на первую лесковскую «корреспонденцию из Киева, в которой автор скорбел о том, что в местных книжных магазинах Евангелие, тогда только изданное на русском языке, продается по ценам возвышенным, вследствие чего много людей небогатых лишены возможности приобрести книгу слова Божия»¹⁵.

Лесков отметил тогда «новую» и «радостную» возможность «удовлетворения насущной потребности читать и понимать эту книгу», переведенную «на понятный нам язык»¹⁶. В то же время автор заметки с возмущением пишет о книготорговцах, усмотревших в давно ожидаемом «русском» Евангелии всего лишь ходовой товар и сделавших его предметом бессовестной наживы.

В дописательские годы сам Лесков занимался делами коммерческой фирмы и хорошо знал экономические законы. Однако в данном случае автор «Корреспонденции (Письма г. Лескова)» справедливо требует отличать в книжной торговле «дело Божеское»

от спекулятивно-коммерческого: «Как же книгу, назначенную собственно для общего употребления всех и каждого, сделать такою недобросовестною спекуляциею?»¹⁷. Автор заметки особенно огорчен тем, что переведенное на русский язык Евангелие, ставшее доступным для понимания простых людей, не попадет в руки паломников со всей Руси, которые «всегда покупают в Киеве книги духовного содержания»: неимущий киевский «пешеход-богомолец» «принужден отказать себе в приобретении Евангелия, *недоступного для него по цене*»¹⁸.

Итак, «душеполезное чтение» и «цена», «христианская душа» и «кошелек» – эти полярности, в которых мир духовный противостоит миру вещественному, показывал Лесков на протяжении всего творческого пути – с момента своей первой статьи до «прощальной повести» «Заячий ремиз» (1894).

Как и в дебютной своей публикации, в которой начинающий автор выступил против беззастенчивых спекуляций с Евангелием, Лесков в статье «Писательская кабала», написанной за год до смерти, снова возвышает свой голос в защиту духовности, поднимая важную социально-нравственную проблему, которая имеет также правовой, юридический аспект.

Речь идет об авторском праве, а также о проблеме книгоиздательства, о распространении и доступности для самой широкой читательской аудитории доброкачественной духовной пищи из сокровищницы русской литературы – имя Тургенева и его произведения поставлены здесь на первое место.

Поводом для написания статьи послужило второе издание в серии «Доступная библиотека» И.И. Глазунова тургеневских рассказов «Живые мощи» и «Муму». «Г-н И. Глазунов начал издавать “Доступную библиотеку”. <...> В чем же именно заключается, по его мнению, эта “доступность”? – задается вопросом Лесков. – Как обладатель прав на издание сочинений И.С. Тургенева, г. Глазунов в 1884 году надуумился выпускать дешевыми брошюрками (по 4, 5, 6 коп.) его рассказы из “Записок охотника”. Изданные хотя и неопратно, плохо отпечатанные, непрочны сброшюрованные, с плохим портретом Тургенева на каждой обложке, брошюрки эти, однако, бойко пошли по школам и в среде неимущих читателей благодаря, конечно, высоким достоинствам своего содержания и невысокой цене. Но г. Глазунову захотелось сделать их “доступ-

ными”: он печатает их так же неопрятно, как и раньше, снимает с обложки портрет автора и заменяет его скверным, глупым до смешного рисунком микроскопического размера, на титул ставит аляповатую рамку, перед титулом – рисунок, не подходящий к тексту и намазанный каким-то малярных дел мастером, и для большей “доступности” назначает за всю эту безвкусицу цену гораздо выше прежней...”¹⁹.

Писателя возмущает аляповатость издания произведений Тургенева, когда форма не отвечает внутреннему эстетическому содержанию гармоничного тургеневского творчества, – а также спекулятивная цена, назначаемая за вульгарно изданную книгу великого писателя и делающая таким образом чтение его произведений недоступным для народа.

Поднимая юридические вопросы об авторском праве, создатель статьи «Писательская кабала» горячо протестует против закона о сохранении прав литературной собственности за издателем в течение 50 лет после кончины писателя. Такое монопольное владение крупных книгоиздателей – «торгашей», «людей наживы и спекуляции» – литературными правами умерших и живущих писателей не может не препятствовать, по справедливому мнению Лескова, распространению творческого наследия великих художников слова для самых широких слоев читателей: «Желая набрать по несколько лишних грошей с каждой брошюрки, г. Глазунов тормозит распространение сочинений одного из наших крупнейших писателей. И может тормозить его еще 39 лет, пока, по существующему закону о литературной собственности, не истечет 50 лет со времени кончины писателя»²⁰.

Статья Лескова, хорошо знавшего книжное дело в России, подводит невеселые итоги: «В том-то вся беда и заключается, что почти все издательское дело находится в руках людей наживы и спекуляции. ...все это <...> спекулянты, аферисты, ни о каком духовном росте не помышляющие, не имеющие ничего общего с литературой, ворвавшиеся в нее с улицы. И те и другие губят писателя. А умрет он – начинают жать соки из его сочинений, кабалить и тормозить их и уверяют, будто создают “доступные библиотеки”»²¹.

Таким образом, и на склоне лет Лесков горячо защищает дорогое для него имя Тургенева от бессовестных спекуляций, ратует

за необходимость истинной, а не показной доступности для демократического русского читателя тургеневского творчества. Речь идет об особом духовно-аналитическом подходе Лескова к оцениваемым событиям общественной и литературной жизни, что позволяет писателю совместить долнее и горнее, «мимотекущий лик земной» и вековечный, непреходящий.

-
- ¹ Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1958. Т. 11. С. 12. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы – арабской.
 - ² Вестник литературы. 1920. № 7. С. 6.
 - ³ Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 2. С. 169, 359.
 - ⁴ Церковно-общественный вестник. 1878. № 19, 24, 25, 28, 33, 34.
 - ⁵ Лесков Н.С. Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки // Церковно-общественный вестник. 1878. № 34. 19 марта. – С. 2. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.
 - ⁶ См.: Б. п. Литературно-общественная заметка (По поводу прекращения литературной деятельности И.С. Тургенева) // Церковно-общественный вестник. 1878. № 27. 3 марта. С. 3–4.
 - ⁷ Цит. по: Лесков А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 279.
 - ⁸ Б. п. Успех Крашевского // Церковно-общественный вестник. 1878. № 40. 2 апреля. С. 5. Подшивка «Церковно-общественного вестника» за 1878 г. с многочисленными пометами сына Н.С. Лескова хранится в личной библиотеке Андрея Лескова в Орловском государственном литературном музее И.С. Тургенева. А.Н. Лесков называет указанную неподписную заметку «лесковской». По тематике публикация непосредственно связана с фрагментом статьи Н.С. Лескова «Чудеса и знамения» о Тургеневе (см.: Церковно-общественный вестник. 1878. № 34. 19 марта. С. 2–5).
 - ⁹ Лихачёв Д.С. Слово о Лескове // Литературное наследство. Т. 101: в 2 кн. – Неизданный Лесков. М.: Наследие, 1997. Кн. 1. С. 16.
 - ¹⁰ См.: Новости и Биржевая газета. 1884. 23 августа. № 232.
 - ¹¹ См.: Лесков А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 444.
 - ¹² Из литературного наследия Н.С. Лескова. Публикация J.-C. Marcadé // Revue des études slaves. Tome cinquante-huitième. Fascicule 3. Nikolaj Semenovič Leskov. 1831–1895. Paris, 1986. P. 438.
 - ¹³ Быков П.В. Н.С. Лесков. Воспоминания // Всемирная иллюстрация. 1890. № 20 (112). С. 333.
 - ¹⁴ Заметка была опубликована без подписи в газете «Указатель экономический» (1860. № 181. Вып. 25. С. 437); в очередном номере «Указателя экономического» (1860. № 186. Вып. 30. С. 508) появилась новая анонимная заметка на

ту же тему; с подписью: Николай Лесков – напечатана «Корреспонденция (Письмо г. Лескова)» // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 135. 21 июня. С. 699–700. Эта же работа была перепечатана под заглавием «Нечто о продаже Евангелия, киевском книгопродавце Литове и других» // Книжный вестник. 1860. № 11–12. С. 105–106.

¹⁵ Б. п. // Новое время. 1890. № 5139. 21 июня. С. 3.

¹⁶ Лесков Н.С. Корреспонденция (Письмо г. Лескова) // Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹⁸ Лесков Н.С. <О продаже в Киеве Евангелия> // Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. С. 147.

¹⁹ Лесков Н.С. Писательская кабала // Литературное наследство. Т. 101: в 2 кн. – Неизданный Лесков. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Кн. 2. С. 259.

²⁰ Там же. С. 260.

²¹ Там же. С. 261.